

18+ Евгений Шibaев

Яйца с камнями не танцуют

Евгений Шibaев

Яйца с камнями не танцуют

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21994458
ISBN 9785448334757

Аннотация

Название книги предопределило стиль изложения материала. Краткие, в несколько строк тексты дают представление о непростых отношениях главного героя и его друга с любимыми женщинами, а причудливо разветвлённые семейные хроники двух друзей проникнуты иронией, изрядной долей юмора и магией любви.

Содержание

Я – сфинкс	6
Дядя Паша, мой первый друг	11
Как Эдик начинал презервативы	16
Пять баллов по математике	22
Как Эдик протиснулся в стройбат	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Яйца с камнями не танцуют

Евгений Шibaев

© Евгений Шibaев, 2016

Андрей Юрьевич Жданов *Редактор*

Андрей Юрьевич Жданов *Корректор*

ISBN 978-5-4483-3475-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– итальянская поговорка, которую Евгений Шibaев выбрал в качестве заглавия своей книги. Повесть, которая ждёт вашего внимания – это искренний и чувственный рассказ о поколении «новых русских». Главному герою повести, воспитанному «Страной Советов» и выстроившему в той системе прекрасную карьеру, приходится быстро перестраивать свою жизнь в «лихие девяностые», не разрушая при этом свои бывшие «ментовские» связи, оставаясь верным в дружбе, заботливым и любящим мужем... хотя и склонным к изменам. Прекрасно выписаны не только мужские характеры, но и женские судьбы. Автор показывает, как мужчина учится понимать и познавать женщину. А женское счастье – оно может зависеть от внимания близкого и ставшего родным человека, а может складываться и выстраиваться «вопреки всему». Повесть читается на одном дыхании. Приготовьтесь

смеяться, цитировать вслух друзьям... А особо эмоциональным рекомендую держать платок под рукой: порой – очень даже «пробивает». Книга – про людей, которых угораздило жить в эпоху перемен. *Uova con pietre Non ballano*

Андрей Жданов

кандидат педагогических наук,

*главный редактор журнала , **Magazine***

Архангельск, Россия

Я – сфинкс

«Что-то с моей женой не так. Какая-то она не то чтобы асоциальная, а, скорее, антисемейная, а ещё вернее – антимужняя», – эти утренние мысли и ещё моё беспросветно-дерьмовое настроение, вызванное безысходностью в супружеских отношениях, привели меня к дивану. И вот я лежу, смотрю в чёрный квадрат телевизора и пытаюсь анализировать семейное бытие на примере вчерашнего дня.

Задача не из лёгких. Пытаюсь отнестись к этому с юмором. Иначе нельзя: не исключён летальный исход. Представляю себя учёным, который ведёт наблюдения за редким видом рептилии, не понятно каким образом выжившей в Палеозойскую эру.

В общем, так. Вчера утром встретились с любимой на кухне. Замечу, что в постели мы с ней давно не встречаемся. Думаю, при желании между нами там можно спокойно уложить слона. «Привет!» – услышал я, и последовала пауза размером в день. Молча развозим детей по школьным и дошкольным заведениям и едем за грузом. В полной тишине, словно гроб везём, а не коробки с обувью, возвращаемся обратно. Кошу глазом на жену. На месте. Сидит... Почему-то вспомнился сфинкс в Египте. Я его никогда не видел. Не интересно. Сидит тот сфинкс тихо и неподвижно много веков подряд на одном месте, с одним выражением лица... Приехали.

Лицо жены исчезает вместе с коробками на четвёртом этаже магазина.

Полдень. Я дома. Сервирую стол для обеда на двоих. Слышу – открывается дверь. Пришла супружница моя. Первая мысль – подойти, коснуться. Не виделись несколько часов, и появилось – понятное мне и непонятное ей – желание обняться. Почему «непонятное ей»? Потому что уже был провальный опыт такого моего щенячьего счастья, и именно он удерживает меня от столь рискованного мероприятия. Недавний эмоциональный порыв побудил меня совершить опрометчивый поступок. Жена уходила на работу, и я решил её поцеловать напоследок. Это было что-то! Находка для пытливого, исследовательского взгляда! Нетерпение в её глазах сменялось явным выраженным неудовольствием от непредвиденной задержки. Затем на её лице нарисовалась досада, как если бы она полрой пальто зацепилась за гвоздь, торчащий из стены. И вот, «пальто в клочья» – и облегчение от вновь обрётённой свободы передвижения. Для меня это было полное фиаско! Так приложить! Это меня-то, старого сексуального маньяка, в прошлом с лёгкостью бравшего бастионы женской неприступности!

Итак, жена пришла. Слышу: сняла верхнюю одежду. Молча, словно я предмет мебели, проследовала мимо меня к столу и уселась у компьютера. Теперь уже я сам себе – напоминание египетского сфинкса, который уже давно не интересен водителю экскурсионного автобуса, насмотревшегося за ту-

ристический сезон на него до тошноты. Наверное, если бы я умер, она не сразу заметила, а если б и заметила, то только когда я захп – и молча вытащила бы тело на террасу, закидав мой труп искусственными, террасными цветами, чтобы я уже никогда не портил её картины мира. *а*

Следующий послеобеденный этап в моей жизни: соби-
рание детей и доставка их домой. Первой привёз из шко-
лы дочь. Всю дорогу, пока ехали, дочь молчала со скорбно
отсутствующим видом. Мои попытки поговорить были без-
успешными, да я особо уже и не пытался. Раньше меня это
бесило: «На мне что? Шапка-невидимка?» – возмущался я.
Теперь смирился. Всё слишком запущено...

Чёрный квадрат телевизора передо мной стал увеличи-
ваться, постепенно превращаясь в огромную чёрную дыру.
«Надо встать, – подумал я, – выйти куда-нибудь, пока она
меня совсем не поглотила...» Пришёл в спальню. Смотрю
на широченную кровать, на которую можно кучу народа
между мной и женой уложить, неважно какого пола (впро-
чем, для меня важно), и я бы даже был не против... Чув-
ствую, как безумно устал. Надо, что-то делать: «На войну
что ли пойти? Лет на пять. Так войны нет!...»

Звонок от жены, с утра ушедшей «делать ногти», вернул
меня к дню сегодняшнему. «Дай телефон дочери», – слышу
в трубке её голос. Даю. Дочь молча принимает, прикладыва-
ет трубку к уху и молчит так около минуты. Затем, не гово-
ря ни слова, возвращает мне телефон. Слышу в трубке во-

прос жены: «Ты давал дочери телефон?» – «Да», – и отдаю его снова со словами: «Ты должна сказать „алло“ в трубку, чтобы мама поняла, что ты её слышишь». Девочка посмотрела куда-то сквозь меня и, ничего не ответив, снова приложила телефон к уху, никак себя не обозначив. Третьего дубля я ждать не стал – ушёл и расположился с чашечкой кофе за кухонным столиком. Через несколько минут перед моим носом, едва не в кофе, опустился на стол телефон. Я задумался: «Может, это со мной что-то не так? Может, это я – редкая рептилия?»

Милую свою я увидел уже поздно вечером – и тогда произошёл примечательный эпизод в нашей ярко окрашенной семейной жизни. На прошедшей неделе начал исчезать синий окрас на моих стильных замшевых ботинках. Первой заметила белёсые пятна сотрудница по работе – Таня Клепина. Тут же предложила помощь и через час вернула мне ботиночки как новенькие. Но «замшевая болезнь» не прошла, и я имел неосторожность обратиться со своим горем к жене. Удовлетворения не получил и я снова пошёл к Тане Клепиной, которая снабдила меня спасительным средством. И когда я принёс эту баночку домой, то на полке, где хранилась косметика для обуви, увидел, купленную моей женой за три недели до этого. На свой недоумённый вопрос («Так ведь у нас всё это в доме присутствует!») получил безапелляционный ответ: «Конечно, присутствует. Тебе просто нужно было мне по-человечески объяснять. Откуда я могу знать про

твои проблемы с ботинками?» – Как говорится, приплыли... Тот факт, что «мои ботинки» ходили рядом с ней несколько месяцев, а Таня Клепина – не моя жена, во внимание не принимается. «Грустно, – подумал я. – Хотя в чём тут грусть?»
точно такую же

Я просто забыл, что я уже – сфинкс, реликвия, памятник, интересный только для заезжих туристов и давно сравнявшийся с общим фоном повседневности для тех, кто видит меня каждый день. Водители туристических автобусов и попрошайки-арабы, пасущие возле сфинкса в ожидании подаяний от прохожих, сфинкса-то, кормителя своего, уже давно не видят. И не замечают песок, осыпающийся с его массивных лап...

Забавная мысль про песок, учитывая, что мне – шестьдесят пять. **P.S.**

Дядя Паша, мой первый друг

Первый настоящий друг появился в моей жизни, когда мне исполнилось пять лет. Друга звали дядя Паша. Это был старый одинокий человек с натруженными мозолистыми руками и всегда грустными уставшими глазами. На морщинистом лице у него была колючая щетина, а из-под шапки, с которой он никогда не расставался, выглядывали седые космы волос. Он работал золотарём – так в те времена называлась профессия ассенизатора.

Родителей своих я почти не видел. Рано утром они уходили на работу и поздно вечером возвращались домой. У мамы часто бывали ночные дежурства: она работала санитаркой в психиатрической больнице. Однажды её привезли на санитарной машине, и она много дней лежала дома. Какой-то псих сильно ударил её по голове, и у мамы случилось сотрясение мозга. Папа работал электриком в совнархозе и постоянно где-то подрабатывал на стороне. Это было трудное, послевоенное время.

Дядю Пашу я очень любил, и, мне кажется, он меня тоже. Утром рано он приезжал со своей повозкой, которую таскала старая, чем-то похожая на дядю Пашу лошадь. У неё тоже были уставшие грустные глаза. Я поджидал их на крылечке деревянного многоквартирного дома, в котором мы жили (именно про такой дом писал Высоцкий: «На тридцать

восемь комнат всего одна уборная»). Стоял я на крылечке в сшитой мамой серой телогрейке, или фуфайке, как тогда её называли, и был туго перепоясан кожаным ремнём со звездой. И вот, завидев дядю Пашу, я радостно срывался ему навстречу, он бережно меня подхватывал, усаживал рядом – и мы отправлялись в путь.

Родители не возражали против такой дружбы. Они знали дядю Пашу как хорошего человека, да и я был под присмотром. Уж и не скажу, с чего началась наша дружба. Помню только, что он чистил что-то рядом с нашим домом, я подошёл к мирно стоящей рыжей лошади, погладил её по морде, а дядя Паша предложил покормить её сеном, лежащим в повозке. Я с несказанным удовольствием протягивал пучок сена лошади и наблюдал, как она осторожно захватывает его своими толстыми бархатными губами. Мы разговорились, и я осмелился попроситься прокатиться, а поскольку конюшня находилась недалеко от нашего дома, дядя Паша впоследствии стал заезжать за мной и, с разрешения родителей, брать меня с собой.

Город в то время состоял из одно- и двухэтажных домов с одной центральной улицей. На ней-то и были сосредоточены магазины, два кинотеатра и филармония. По самой середине вдоль всего проспекта были проложены рельсы, по которым изредка ходил трамвай, без которого город больше бы напоминал посёлок городского типа. Дома, улицы и тротуары были сплошь деревянными, и у каждого до-

ма стояло дощатое, известково-белое сооружение известного назначения. И мы с дядей Пашей занимались чрезвычайно важным делом – «наводили гигиену» в городе. Вообще-то в то время подобных повозок было столь же много, сколько, наверное, сейчас машин с шашечками, и каждая ездila по своему маршруту.

Когда я восседал кучером на повозке, то у окружающей детворы вызывал такую же зависть, как если бы в наше время рассекал с дядей Пашей на «харлее» по центральным улицам. Сидеть с дядей Пашей было уютно, он нежно посматривал на меня и периодически поправлял рогожку на моей спине, чтобы я не мёрз. Мы почти не разговаривали, но нам было очень хорошо молчать вместе. Иногда он давал мне поводья – поуправлять лошады. Но лошадь в управлении не нуждалась: она и без того хорошо знала свой маршрут. И когда я натягивал поводья и причмокивал губами, как это делал дядя Паша, лошадь поворачивала в мою сторону голову и удивлённо косила глазом.

Когда у дяди Паши был выходной, я шёл в соседний двор, где играли дети крупных начальников. Они жили в единственном в нашем районе кирпичном трёхэтажном доме. Дети были хорошо одеты, у них были дорогие игрушки – у мальчиков машинки, у девочек детская посуда. Я подружился с одной очень милой девочкой Наташей. У неё были красивые тёмно-каштановые волосы и удивительные миндалевидные глаза. Особенно мне нравилось, как она разгова-

ривает. Их семья раньше жила в Москве, и её московский говорок резко выделялся своим звучанием. Большую часть времени мы занимались тем, что она меня «лечила». Вставляла стебелёк в одуванчик и делала мне уколы сквозь штаны, поскольку гордость мне не позволяла оголяться. Однако после одного случая наше «лечение» оборвалось. Я случайно услышал разговор её родителей: «Мальчик, с которым играет наша дочь, такой вежливый, красивый. Но почему от него всё время каким-то говном пахнет?»... Я перестал ходить в тот двор и всячески избегал встреч с Наташей, хотя она меня искала и даже как-то пришла к нам домой. На её стук никто не ответил, лишь тётя Сима, соседка, поведала госте, что «я уехал с говночистом Пашкой».

Однажды дядя Паша не приехал. Я как всегда стоял на крылечке. Ждал. Время шло, а он всё не приезжал. Я до вечера ходил вокруг дома, вглядывался вдаль, надеялся, что он покажется, но тщетно. Дядя Паша так и не приехал. Вечером от родителей узнал страшную правду: дядя Паша умер. Я первый раз в жизни заплакал. Заплакал от горя. Я раньше тоже плакал, но то были слёзы от содранной коленки или ремня за непослушание, то были недолгие слёзы. А это было настоящее, охватившее всё моё существо горе. Я думал, оно никогда не кончится. Я был слишком мал и не знал, как справиться с этой утратой. Каждое утро я просыпался и мыслями направлялся к крыльцу, к которому должен был подъехать дядя Паша...

Вместо него однажды приехал какой-то другой, совсем незнакомый дядька – забрать хлам со двора. Я подошёл к лошади, она меня узнала, приветливо pokrutila головой. Я быстренько сгонял домой за хлебом и протянул ей угощение. «Как ты?» – спросил я. – «Плохо. Ноги совсем никуда не годятся. Глаза плохие, почти ослепла. Устала. Пора к дяде Паше собираться, скучаю я по нему», – вздохнула лошадь. «Да ладно, поживёшь ещё!» – подбодрил я. В этот момент дядька натянул поводья, прикрикнул, и лошадка тронулась в путь. Печальный взгляд её глаз ещё долго не отпускал меня.

Вскоре я пошёл в школу – и там меня ждал сюрприз. За одной из парт, параллельным рядом, сидела Наташа. Она меня тоже сразу узнала. Улыбнулась. Я думал, она подойдёт ко мне на перемене, но она не подошла. Наверное, не простила моего бегства.

В тот день я тоже не решился подойти.

Как Эдик начинал презервативы

В школе у меня тоже был только один настоящий друг, звали его Эдик Колокольчиков. Круглолицый, с наивно-бесхитростным взглядом, вводящим в заблуждение окружающих своей простотой. Эдик был самым маленьким в классе, но, несмотря на свой малый рост, мог всегда постоять за себя, поэтому с ним никто не связывался. Мы жили неподалёку друг от друга, вместе ходили в школу и обратно домой, часто делили досуг.

Учились мы оба так себе, больше дурака валяли. Но если я всё-таки старался вызубрить то, что задавали учителя, то Эдик брал чаще хитростью. Как-то задали нам выучить таблицу умножения – так Эдик взял набор карандашей и все грани исписал этой таблицей. Классы тогда были большие, в нашем 45 человек числилось, и учителя, как правило, знания проверяли контрольными работами. Правда, в первый раз с таблицей умножения у Эдика ничего не вышло. На контрольной он запутался в своих карандашах, разбирался с ними до самого звонка, так и не успев ничего написать, но потом он эту практику довёл до совершенства. Карандаши у него были разных цветов – главное, запомнить цвет, да карманы не перепутать, где какие карандаши лежат. Бумажные шпаргалки-гармошки учителя быстро обнаруживали, а вот проверять карандаши – до такого они не додума-

лись. Да и как додумаешься? Только учитель к парте Эдика подойдёт, так он карандаш сразу в рот вставляет и делает вид, будто в зубах ковыряется. Сергей Петрович, наш физик, однажды даже замечание сделал: «Ты что Колокольчиков, уголь там добываешь?» – «Да нет, дёсны чешутся», – отвечал Эдик. «Понятно, – резюмировал Сергей Петрович, – наверное, зубы скоро вторым рядом выйдут».

Случались у Эдика и серьёзные неприятности с этими его карандашами-шпаргалками. Перед контрольной по химии записал он таблицу Менделеева на карандаши и ушёл гулять. А у Эдика был брат Серёга, на три года старше, очень собак любил. Как-то привёл домой одну такую, породы «двор-терьер». Где уж он её подобрал, не знаю, но это было какое-то стихийное бедствие. Грызла всё, что попадало в зону её доступа. Поэтому вся обувь у них хранилась на уровне посуды, а стулья на столе стояли кверху ножками. Так эта тварь к соседям дыру прогрызла, пока дома никого не было! И вот она, как рассказывал Эдик, запрыгнула на стол, стащила и изгрызла все карандаши с таблицей Менделеева. Серёга домой пришёл раньше и решил, во избежание скандала, быстренько сбежать в магазин и купить новые. Эдик, не открывая коробки, принёс карандаши на химию. Открывает, а таблицы-то нет! Сидит – красный, злой. Пыхтел минут пятнадцать, а потом стал по памяти писать. И ведь написал! Всё вспомнил и первый раз честную пятёрку заработал.

Эдик вообще был очень изобретательным парнем, и шут-

ки его были далеко не всегда безобидными. Придумал он как-то презервативы засовывать в телефонные аппараты, точнее, в окошечко для возврата монет. Когда кто-то не мог дозвониться, то засовывал два пальца в малюсенькое окошечко с закрывающейся металлической крышечкой и забирал свою монетку обратно. Но даже если кто-то и дозванивался, то всё равно, на всякий случай, проверял, не вернутся ли его две копейки обратно – и часто, из-за неисправности автоматов, эти попытки были безуспешными.

Презервативы Эдик таскал из дома. Впоследствии, правда, его мать обнаружила недостачу и закатила папке Эдика такой скандал, что дело чуть до развода не дошло.

Итак, мы с Эдиком клали наживку, устраивались поудобнее в кустах и наблюдали бесплатный спектакль. Многие люди были озадачены столь неожиданным сюрпризом и такой многофункциональностью телефонного аппарата. Кто-то сразу бросал добычу, другие негодовали и возмущались, но находились и такие, кто, подсчитав разницу в цене в пользу презервативов, возвращались снова, клали монету, но потом, разочарованные, уходили, не получив ни подарка, ни денег.

Затем Эдик решил усложнить опыт. Принёс из дома канцелярский клей и с моей помощью, аккуратно, чтобы не запачкаться, заливал клей внутрь презерватива, а затем засовывал всё это в телефон. Реакция людей на мокрый и липкий презерватив теперь у всех была нервной, но нам это ка-

залось забавным. Мужики, как правило, матерились, вытирали руки о траву, словно перепачкались грязными следами чужого блуда. Женщины доставали платки, с изрядной долей отвращения аккуратно избавлялись от подозрительных пятен, а затем, оглянувшись по сторонам, быстрым шагом уходили прочь. Но особое удовольствие нам доставляло наблюдать за молоденькими невинными девушками. Как менялись их оскорблённые лица! Некоторые вскрикивали, словно голыми руками схватились за чужие экскременты. Тут же с гадливым выражением лица пытались сбросить презерватив, но с первой попытки сделать это не удавалось – начиналась суетливая борьба, которая приводила нас в дикий восторг.

Наш звёздный час настал, когда мы увидели, что в сторону телефонной будки направляется училка по русскому из 5 «б» – Аркадия Дормидонтовна. В школе её не любили. Она по каждому поводу «стучала» на учеников. У неё даже кличка была: «Шестерёнка». За малейший проступок или невинную шутку беспощадно ставила двойку, независимо от того, выучил ты урок или нет. Это была злая старая дева, тощая и костлявая, по внешнему виду напоминающая Бабу Ягу. И вот – Аркадия Дормидонтовна заходит в телефонную будку, набирает номер, долго ждёт соединения, и, так и не дождавшись ответа, выскакивает из будки, держа в двух пальцах вытянувшийся и капающий на её одежду мутной жидкостью презерватив.

Аркадия Дормидонтовна впала в ступор. Самое отвратительное, самое мерзкое, что только можно было представить в затворнической жизни старой девы, она держала в вытянутой руке, и мысли отнюдь не романтические роились в её голове. Тут взгляд её упал на землю, где валялось множество других мокрых презервативов, и воображение старой девы принялось рисовать ещё более грязные картинки происходящего в этом злочном, адовом месте, куда её привело страстное желание доложить в горно о падении нравственности в её школе!

Неизвестно, сколько бы ещё простояла так Аркадия Дормидонтовна с видом человека, про которого говорят, что у него за одно мгновение промелькнула вся его жизнь, если бы не проходивший мимо пьяный мужик: «Ты чего, дура, на гондон уставилась? Первый раз видишь?» – Только тогда женщина пришла в себя, её лицо исказила брезгливая, полная отвращения гримаса, и она принялась яростно избавляться от презерватива. Но не тут-то было. Сбросить липкий презерватив не удавалось – оторванный от одной руки, он тут же приклеивался к другой!

Тем временем со стороны школы стали появляться ученики. «Здравствуйте, Аркадия Дормидонтовна!» – вежливо приветствовали её дети, но, отметив странное занятие учительницы, переглядывались и прыскали смехом.

Аркадия же Дормидонтовна не видела ничего вокруг. Случись в тот момент затмение солнца, она бы и его не заме-

тила. Сосредоточенно, с завидным упорством, почти на грани помешательства, женщина пыталась избавиться от этой гадкой мерзости, свисавшей с её пальцев. Наконец она нашла решение. Со всей силы наступила туфлей на презерватив – и быстрым шагом, почти бегом, устремила к себе домой.

А презерватив вялой тряпочкой ещё долго болтался у неё на каблуке.

Пять баллов по математике

В классе я постоянно ловил на себе взгляд Наташи. Сначала я отводил глаза, а затем перестал. Мы оба принялись в упор смотреть друг на друга. Так продолжалось по несколько секунд. Каждый день. Молча. Никогда ни одного слова друг другу. Но эти безотрывные, долгие взгляды были на каждом уроке. Это было какое-то завораживающее, упительное состояние. Оно стало моей и её потребностью. Никто из нас не решался заговорить, что-то изменить, словно боясь спугнуть это новое, хрупкое, зарождающееся незнакомое чувство.

Так продолжалось все годы учёбы в школе. На переменках она выходила с соседкой по парте Иркой, безнадёжной троечницей и не очень опрятной девочкой, вечно в мятом мешковатом школьном платье – и они вдвоём прогуливались по просторному коридору школы. Я стоял у стенки и смотрел. Наташа выделялась среди всех учениц. На ней всегда безукоризненно сидела форма, отглаженная, по фигурке. Юбка чуть выше колена, но не настолько, чтобы будить юношескую фантазию. Она не была провокаторшей – в отличие от некоторых, рано созревших для любви девочек нашей школы. Но её ладная фигура притягивала взгляды очень многих мальчишек.

Училась она на «отлично». Наташа была из образованной

семьи. Папа работал ректором, а мама преподавала в том же институте. И я, в связи с этим обстоятельством, из кожи вон лез, чтобы тоже учиться на «отлично». Но это у меня получалось плохо. Мысли о Наташе подавляли ту часть мозга, которая отвечала за учёбу. Дело доходило до того, что я не мог усидеть дома. Узнав, где она живёт, по нескольку раз за день прохаживался вдоль их дома в надежде её увидеть. Повезло же мне только однажды. Наташа шла с родителями и о чём-то оживлённо беседовала с ними. Меня она не заметила.

Но всё же в десятом классе я получил пятёрку по своему самому нелюбимому предмету – математике. Нелюбовь к «царице всех наук» корнями уходила в первый класс. С цифрами у меня сразу жизнь как-то не заладилась. Если меня поднимала в классе учительница, дело это было бесперспективное. Она могла дожидаться ответа до звонка на перемену, но так и не дожидаться.

Наш класс вела Дарья Сергеевна. В школе она работала давно, но ребята её не любили. Уроки были скучными, и мы с нетерпением ждали окончания занятий. Дарью Сергеевну можно было назвать красивой женщиной, если бы не её вечно недовольное лицо. Мы никогда не видели, как она улыбается, а разговаривала она с нами всегда с сарказмом. Наверное, её бросил муж, а вторую половинку она так больше и не нашла...

Итак, начался урок математики. Взглядом Дарья Сергеев-

на принялась обводить класс. Эдик залез под парту «в поисках карандашей», которые сам же и столкнул, остальные, сделав нарочито равнодушные лица, водили глазами по сторонам. Взор Дарьи Сергеевны упал на меня, и она произнесла: «Антон Петров». Нехотя и не спеша, я поднялся в надежде дотянуть до спасительного звонка на перемену. Я стоял с глубокомысленным видом, морщил лоб и слегка шевелил губами. Весь класс ждал. Ребята-то вроде ничего, они даже рады были ждать хоть сколько, а вот учительница нет. Она нетерпеливо стучала пальцами по столу и хмуро закатывала глаза к потолку. Я тоже, глядя на неё, закатывал глаза и тяжело вздыхал. Так мы и стояли, время шло, но ничего в нашей диспозиции не менялось.

«Ну, ладно, я не спешу, времени у меня много», – молвила Дарья Сергеевна. Она подошла к окну и принялась смотреть в облачное небо, мысли её унеслись куда-то вдаль. Она стояла и мечтала о том, что где-то живёт её половинка, живёт и не знает о ней. И как она могла быть счастлива, если бы они нашли друг друга. У них мог родиться тоже какой-нибудь «Петров», и она любила бы его без памяти и кормила вкусными оладьями со сметаной, готовить которые её научила бабушка в деревне... К реальности женщину вернул чей-то смех. Она повернулась и увидела, что Петров всё также стоит за партой и всем своим видом изображает глубокий мыслительный процесс. На самом же деле я думал о том, как приду домой, мать возьмёт дневник, увидит «двойку» и денег

на кино уж точно не даст, а мне так хотелось посмотреть новый фильм про ковбоев, о котором восторженно гудела вся ребятня.

Первой не выдержала Дарья Сергеевна: «Ну, ты, Петров и тугодум! Садись! Два!» — но я продолжал стоять. Дело в том, что пока я стоял и размышлял, Витька Сметанкин всё моё сидение обмазал своими соплями. У него был постоянно насморк, и он свои сопли клеил везде, где только можно. Зная это, даже учителя подходили к своему стулу, или столу, словно к минному полю и только после тщательного осмотра приступали к своим служебным обязанностям.

Наше противостояние с Дарьей Сергеевной продолжалось: «В чём дело, Петров? Ещё повспоминать хочешь? Садись же уже. Ответишь... в другой жизни!»

Витьку закладывать мне не хотелось. У нас это не приветствовалось. А если кто-то так делал, то становился изгоем. Я продолжал стоять. Дарья Сергеевна вопрошающе смотрела на меня. Затем нервно встала и с металлом в голосе приказала: «Садись я сказала!».

«Я не могу, — робко произнёс я. — Мне нужна промокашка».

Дарья Сергеевна с подозрением вскинула на меня глаза: «Зачем тебе, Петров, промокашка?»

Вдруг в полной тишине класса раздался голос Саньки Перепёлкина (Санька учился второй год в одном классе, слыл грубияном и матерщинником): «Он обосрался!»

Класс взорвался смехом. Я же залился краской. Стал примеряться к краешку сидения, но не рассчитал и грохнулся на пол. В классе стало ещё веселее. Некоторые от смеха чуть сами не падали следом за мной.

В это время звучит звонок, и Дарья Сергеевна быстрым шагом, чуть ли не бегом, вылетает из класса. Ко мне подходят ребята, все двоечники жмут мне руку...

И вот – я понял, что у меня появился шанс. Математику стала вести Ольга Константиновна, стажёрка из пединститута. Я там бывал на танцах. Надо отметить, что вне школы я был совсем другим – как бы компенсировал свою школьную зажатость подчёркнутой наглостью. Много внимания уделял внешнему виду. Набриолиненные, зачёсанные назад тёмные волосы, немного папиного одеколона и, конечно, одежда. С детства я был весьма избалованным и залюбленным ребёнком, к тому же мама всячески поддерживала моё желание модно одеваться. Для меня были куплены мамой английские лаковые остроносые ботинки вишнёвого цвета – и такого же цвета костюм в полоску, сшитый на заказ в ателье по фотографии из одного модного журнала. Всё это придавало мне самоуверенности. Более того, я был дерзок, раскован, а порой и просто нахален. Нахален до такой степени, что не раз был бит за своё пристрастие снимать сливки с девичьего общества. Все симпатичные девушки давно были поделены между «своими», а тут нарисовался какой-то чужак и пытается разрушить устоявшийся порядок...

Пединститут в этом плане был местом совершенно безопасным. Да и девушек симпатичных там было столько, что хватило бы на всех – и ещё осталось!

Миловидную стажёрку я заприметил сразу. Невысокая, с красивыми, немного раскосыми глазами и большой грудью. Направился к ней из дальнего угла зала, чтобы она могла лучше рассмотреть, какой «подарок» идёт к ней в руки. Пригласил на медленный танец. Наверное, я ей понравился, так как она ко мне прижалась так, что у меня дух перехватило. Тогда мы ещё не знали, что я – её будущий ученик, а она в скором времени – моя учительница.

В классе она меня узнала сразу. Я взял с подоконника горшок с цветами, галантно поставил на учительский стол и попросил не спрашивать меня сегодня, потому что у меня – «умерла любимая тётя». Эта рязановская фраза вызвала у неё улыбку, но «сработало». Ни в тот день, ни в последующие дни она меня не поднимала и к доске не вызывала.

Но я решил пойти дальше. Подходила к концу вторая четверть, и я решил получить пятёрку за полугодие по её предмету.

Закончился последний урок, ребята выходят из класса, двое парней замешкались – я предложил им ускориться, – и парни с понимающей ухмылкой быстренько удалились.

Ольга Константиновна собрала в стопку тетради для проверки, сделала записи в журнале и уже собиралась выходить, когда я подошёл к ней и попросил присесть для разговора.

Она почему-то не стала садиться, подошла к графину, налила стакан воды и стала пить.

Я подошёл к ней и решил обратиться по имени-отчеству, несмотря на то, что мы были одни, и я ранее не раз обращался к ней по имени:

«Ольга Константиновна! Вы как умная женщина, конечно, не могли не заметить моего обаяния и того обстоятельства, что мой шарм валит всех наповал, – это была моя коронная фраза при знакомствах и срабатывала она безотказно. – А по сему, я, как никто, заслуживаю получить пятёрку за четверть».

Ольга Константиновна, услышав такую запредельную, обескураживающую наглость, поперхнулась водой – да так сильно, что я чуть было не пожалел о сказанном. Но через минуту она пришла в себя, рассмеялась, и я понял, что девушка оценила экстраординарность моего остроумия... И вот – результат моего недолгого флирта: единственная пятёрка, по математике, украсила мой дневник.

А через шесть месяцев наступил выпускной вечер по окончанию школы. В центре спортивного зала накрыт стол со всякими вкусностями. Играют приглашённые музыканты. Ребята кучкуются по углам: девочки с девочками, мальчики с мальчиками. Смех, шумные разговоры, робкие попытки начать танцевать – и я ловлю на себе снайперский взгляд Наташи с другого конца зала.

Вдруг вижу – она направляется ко мне. Ну, думаю, сей-

час-то всё и случится: Наташа признается в любви ко мне.

Наташа подходит, и я слышу такое, что у меня земля поплыла под ногами: «Ты – засранец, debil, тупица!..»

Дальше я слушать не стал. Медленно попятился и, забыв в раздевалке куртку, в глубоком расстройстве ушёл домой.

Как Эдик протиснулся в стройбат

Вместе со мной школу закончил и Эдик. Но время для него как будто остановилось. Он словно в пятом классе остался – маленького роста, щупленький, имел симпатичное личико, на которое спускалась тривиальная чёлочка, как у горниста-пионера с настенного плаката из прошедшей эпохи, и бесхитростный пытливый взгляд красивых карих глаз. Он производил впечатление мальчика, которого мама – а он жил вдвоём с мамой, – недавно стала отпускать самостоятельно погулять на улицу. Но впечатление это было обманчивым. Эдик был очень крепкий духом, обладал самурайской отвагой, и это делало его гораздо более успешным бойцом в любой дворовой схватке, чем если бы он обладал горой мышц. Сразу после школы он закончил курсы сварщиков и начал работать на стройке – там-то ему и вручили повестку в военкомат.

В военкомате его направили на медицинскую и призывную комиссии, которые, ради экономии времени, проводились одновременно в самом большом помещении дома культуры. В зале собралось множество обнажённых призывников, смущенно прикрывавших свои причинные места. Им впервые в жизни пришлось оголиться столь большой компанией и выстроиться перед значительным количеством одетых людей обоего пола.

Обе комиссии работали бойко, ребята проходили их быстро, нигде особо не задерживаясь. Задержка случилась лишь на этапе взвешивания, когда на весы вступил Эдик. Стрелка не шелохнулась.

Эдик закричал: «Стрелка на весах не шевелится!»

Шкафообразный старлей, помощник военкома, лениво поднялся со стула, подошёл к Эдику, смерил его взглядом, посмотрел на весы, и его лицо исказила брезгливо-кислая гримаса: «Какой материал приходит Родину защищать!» Стукнул костяшками пальцев по шкале весов, стрелка дрогнула, но тут же успокоилась, замерев на отметке «51». Старлей на всякий случай ещё раз стукнул по весам, но стрелка замерла окончательно.

«Охренеть можно, – воскликнул помощник военкома, – если бы ты посрал, то и в армию не попал бы!» (по закону, новобранцы с весом менее 50 килограмм призыву не подлежали.)

«А можно сейчас?» – сделал наивное лицо Эдик. Старлей аккуратно записал цифру в свой документ и ехидно улыбнулся: «Вот теперь – можно».

Дальше Эдику надо было по очереди подойти к каждому члену призывной комиссии и ответить на их вопросы. В комиссии за длинным столом сидели: с краю – высокоидейная комсомолка, первый год возглавлявшая районный ВЛКСМ и впервые увидевшая перед собой такое обилие голых мужских тел; важная от своей значимости, чопорная инструктор-

ша райкома партии, дама средних лет; за ней – уже упомянутый здоровенный детина-старлей, помощник военкома; и – милиционер из уголовного розыска. Возглавлял комиссию военком, матёрый и хмурый подполковник, который, на основании медицинских карт и мнений членов комиссии, принимал решение, где кому служить.

У каждого из них были свои задачи. Милиционер выяснял, не было ли у призывников криминального прошлого, и если было, то какое. Комсомолка и партийная инструкторша, высокая идейность которых неплохо сочеталась с безыдейностью в политике пополнения кадров, спрашивали, не желают ли молодые люди вступить в партию или комсомол перед армией, намекая при этом на сразу возрастающие шансы попасть в «хорошие войска». В советской системе планового хозяйства даже в идеологических органах существовал план, и от его выполнения зависел карьерный рост бойцов идеологического фронта.

Отсутствие штанов у совсем зелёных пацанов не располагало их к проявлению излишней любознательности. Ребятам хотелось как можно скорее пройти эту унижительную процедуру, и они быстро соглашались «вступить», даже толком не осознав «во что». Некоторые от усердия писали заявления и туда и туда, внося изрядную неразбериху в отчётности обеих дам. Так в прежние времена в годы войны попы спрашивали у бойцов, не хотят ли они креститься перед боем, и все некрещёные моментально соглашались. Стресс быстро

делает людей сговорчивыми.

В общем, дело по приёму новых членов у проворных дамочек шло бойко, пока очередь не дошла до Эдика. Тот подошёл к столу и, не зная, перед кем первым держать ответ, вежливо спросил, куда идти дальше. Милиционер, до этого не раз отпускавший шуточки в адрес раздетых призывников и слышавший разговор старлея с Эдиком, решил в очередной раз показать своё остроумие и широким жестом указал – заговорщицки подмигнув старлею, – на зазор между столом и восседающими за ним членами комиссии.

Эдик, способный на мгновенные и нестандартные решения, предпринял неожиданный для всех ход. Сделав вид, что не понял шутки, он изобразил на своём лице маску идиота и начал старательно протискиваться между массивным столом и комиссией, расположив своё голое тельце к столу задом, а к специалистам по призыву передом. Сначала он переполз через ноги залившейся краской и сделавшей круглые глаза комсомолки. Затем замешкался и начал ёрзать в полных ногах потерявшей дар речи и свою чинную важность инструкторши.

Его отважный переход через ноги идеологов остановил побледневший гигант-старлей: «Ты чего? Дебил? Совсем больной на всю голову? Ты куда со своими яйцами лезешь?!»

Эдик, с крайней степенью кренинизма на лице, растерянно спросил: «А куда мне их девать-то?» – бережно взял их в ладони и тупо уткнулся печальными глазами олигофрена

в колени обалдевшей чиновницы, с намерением продолжить путешествие, но уже держа тестикулы в руках.

Обе дамы, решив, что их ждёт продолжение посягательств этого явно нездорового парня на их «комиссарские тела», если он решит двинуться обратно, шарахнулись от голого Эдика как от чумного и, забыв отодвинуть стулья, дружно завалялись на пол.

«Да тебя, придурка, не в армию, тебя в психушку надо!» — молвил старлей, перегнулся через стол, сгрёб Эдика и как игрушку переставил по другую сторону стола.

Комсомолка в ужасе поправляла задравшуюся юбку, а партийная инструкторша, растерявшая весь свой годами обретаемый лоск, тут же начала судорожно шарить руками под столом, пытаясь отыскать выпавший во время падения шиньон из её причёски «а-ля пирамида Хеопса». Наконец, она его нащупала, выдернула из-под сапога милиционера и выскочила, как ошпаренная, из зала.

Новобранцы, наблюдавшие весь этот цирк и сгрудившиеся возле противоположной от стола стены, давились от смеха и злорадно переводили глаза то на растрёпанных женщин, то на шутника милиционера. Последний виновато поглядывал на военкома, который, в свою очередь, злился на мента, по вине которого случилось всё это представление. Подполковник уже рисовал в своих мыслях, в каких выражениях и оценках инструкторша нажалуется первому секретарю райкома партии, и тот будет звонить военкому и отчитывать

его за «непартийное» поведение и нанесение урона авторитету партии.

Вопросов Эдику никто не задавал. Военком быстро принял решение: «Этого – в инженерные войска!». Эдик, было, заикнулся: «А в комсомол принять?» – но все сделали вид, будто не расслышали вопроса.

Не чувствуя подвоха, Эдик удовлетворённо вздохнул и улыбнулся, довольный тем, сколь безошибочно оценили его способности и сразу в «умные войска» определили. Но через пару минут его хорошее настроение уступило место беспросветной тоске. Он сидел на скамье среди бывших уголовников – с синюшными от лагерных татуировок руками и общающихся меж собой на своём блатном языке. Всех их тоже определили в «умные войска» под названием «стройбат», которые командиры, в издёвку, называли «инженерными».

По прибытии в воинскую часть, Эдик получил новенькую форму и сапоги. Ему отвели место в казарме по соседству с каким-то служивым, более похожим на уголовного авторитета, который тут же приглядел новенькую обувь Эдика и уверенным движением ноги подвинул сапоги к себе.

Эдик подсел к нему – и тихо, чуть ли не в ухо, произнёс вкрадчивым голосом: «Верни на место сапоги. Я ведь сварщиком работал, с электродами дело имел, у вас тут этого добра хватает. Я ночью встану, заточу электрод и тебе в сердце воткну. Дырочка будет маленькая, а несчастье твоё будет

большое, так как там, где ты окажешься, сапоги тебе мои не потребуются. Бахилы там нужны будут белого цвета, а их у меня нет», – произнёс это Эдик таким тоном, что трудно было не поверить, что именно так он и поступит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.